

THE HORUS HERESY

GREY ANGEL

John French

Серый Ангел

Джон Френч

(Аудиопостановка)

"...знаяй же, что у прошлого есть два лица.

Одно из них яркое и кровавое, его знают все, второе -- затенённое и скрытое, с отталкива

ющими и усталими чертами. Оно забыто, и

его никто никогда не увидит. Это и есть ис

тинное лицо истории -- лицо негласной войны

ны..."

•••

Дверь камеры открылась, и узник поднял глаза. Цепи толщиной с запястье взрослого

мужчины удерживали его у голой каменной

стены, обвиваясь поверх него, как змеи сужа

вой чешуёй. Его силовую броню

отключили, и

её тёртвый груз удерживал его тело, словно

оковы. Маленькая камера была вырублена в

чёрной скальной породе, и когда в дверь шаг

нул человек с факелом, её стены заблестели

от влаги. Платя выхватило глаза узника, на

блудающие за факельщиком, и зажглись

скрытые в их глубинах. Вшедший был закутан в

серые одежды, похожие оттенком на тени, и узнику

показалось, что он видит струйные очертания

чубыбающегося рта, скрытые широким капю

шоном. Железная дверь замворилась за спящего человека и закрылась на запор. В

камере

внезапно наступила тишина, нарушаемая лишь потрескиванием факела.

(Человек): Итак, ты и есть пойманный. Я пришёл сюда, чтобы тебя расспросить.

Уве

рен, ты понимаешь ситуацию.

(Узник): Делай, что должен. Я не боюсь твоих методов.

(Человек, со стеклом): Я пришёл сюда, чтобы получить ответы, а не резать тебя на куски.

Человек шагнул вперёд, и узник увидел два ясных чёрных глаза, поблескивающих в глубине капюшона. Он был на голову ниже, чем

типичный костюм санта-ник, хотя броня и оде

жды увеличивали его размеры. Узник прищу

рился: его зрение было острым, но его ум словно бы не мог сосредоточиться, как будто

в человеке было что-то, что невозможно было

различить. Он бросил взгляд в затенённый угол камеры, как если бы он чего-то ждал.

(Узник): И что же это за простые вопросы, ради которых тебе могло потребоваться при

ковать меня здесь?

(Человек): Вопросы верности.

Закутанный в одежду человек поднёс факел ближе, так чтобы его неровный свет упал

на тусклую серую поверхность доспехов узни

ка.

(Человек): На тебе боевая броня легионера, но нет ни эмблем, ни знаков принадлежности.

Факт того, перед кем ты преклоняешь колено, говорит о том, кто ты такие.

Таков порядок

вещей. Твоя же суть неясна, кому ты верен

неизвестно, и ты забрёл в твои владения.

В

лучшем случае ты загадка, в худшем...

(Узник): Это допрос или поучение?

(Человек): А это должно быть чем-либо из них? Допрос подразумевал бы, что ты враги, а мне бы не хотелось в это верить.

Поучение

означало бы, что я пытаюсь тебя убедить, а

мне нет в этом нужды. Я просто излагаю тебе

тую правду, которую я знаю.

(Узник): Эти цепи говорят о другом.

(Человек): Когда-то на этой планете прийти незваным в чужие владения означало смерть. Быть благодарен за то, что я оставил

тебе твои госпехи.

Закутанный в одежду человек поместил факел в металлический держатель, показав

глянцевитую черноту и тронутое

пламенем

золото своих закованных в броню рук.
Масля

нистыи свет оттеснил трак на краю камеры, и узник увидел принадлежащие ему болтер и цепной теч, которые были прислонены к сте
не.

(Человек): Цепи -- всего лишь тела предо сторожности. Я оказал тебе всё возможное
уважение, хотя ты, в свою очередь, не
удосуг
жился проявить хоть капельку
вежливости.

Ты даже не назвал мне своего имени.

Узник откинул голову, ощущая её кожей
холодную сырость каменной стены.

(Узник): Моё имя -- Кербер.

(Человек, со смехом): А, легенда
древности.

Как тебе будет угодно. Я отвечу на

любезность

тем же. Мое имя — Лютер, и я узнаю,
зачем ты
появился в твоих владениях.

• • •

Чактон Крүз погрузился в тень по ту
сторо

нү стены и прислушался. Его госпехи
выгля

дели призрачно-серым пятном во траке но
чи, а единственная эмблема, которая на
них

была, терялась во тьме и брызгах дождя.

Его

шлем был снят, давая его чувствам
возмож

ность анализировать ночной воздух. Он
чувств

накапливающейся грозовой заряд. Над его
головой возвышалась крепость Альдурүх,
устремляясь к беззвёздному небу
ярусами холодного камня. Он проник за её
внешние укрепления, но понимал, что её

охрана в виде караульных, датчиков и предвидимых терроров безопасности будет лишены

ливаться по тере его продвижения вглубь.

Он

рисковал, но его принудили к этому сроки и

возможность полного провала. Необходимость, служившая ему девизом все эти последние годы, была такой же жестокой и не

оспоримой, как и всегда. Он провёл на

Кали

бане уже несколько дней, перемещаясь в темноте, слушая, наблюдая, пытаясь найти то, что им было нужно, то, ради чего они здесь

появились.

Лев отоспал часть Легиона Тёмных Ангелов

обратно на их родную планету, отдав команд

ование над ними Лютеру. Это случилось

того, как Хорус начал свой тягч. С тех
самых

пор Калибан зловеще безмолвствовал. В
вой

не, которая велась под знаменем
предатель

ства и вероломства, это толчание могло
как

не значить ничего, так и говорить с
многом.

Они прибыли сюда, чтобы разобраться с
этим

вопросом, но их запасы времени истекали.

Тёмные Ангелы схватили Локена, нет, --

но

думал он, -- это Локен позволил им себя
взять.

Круж видел в этом поступке лишь
безрассуд

ство, считая его опасной авантюрою. Он
ти

нул, сколько мог, выжиная, пока Локен осво

бодится, или его план и в самом деле
сработал

ем. Если бы Локен встретился с Лютером
и

установил, что том остался верным, они
могли

бы передать своё сообщение и начать дей-
ствовать в открытую. Но Локен не подал
ни

единого знака, и уже прошло слишком
много

времени. Теперь Круж должен был идти на
ещё больший риск.

Внизу, во внутреннем дворе, не было нико-
кого движения. Он слышал лишь шум
ветра и

стук дождя по камню. Он сглазил
вперед, его бронированная туша беззвучно
двигалась

сквозь дождь. Боевые госпехи были
такими

же, как и у всех Астартес, но острый глаз
уло

был бы отличия, разглядев в их серой
просто

те признаки уникального мастерства.

Крүз

пригнулся к краю парапета, держась
нижко

к земле. Он вскинул голову, ощущая, как
дождь стекает по влагинам его покрытых
шрамами щёк. Молния осветила небо и
обру

шила свой гнев на крепость. Крүз
перевалился

через парапет, раскаты грома поглотили
звук

его удара о камни внизу. Он бросил взгляд
по

сторонам, держа руку на болтере,
который

был фиксирован магнитным крепежом на
латной пластине на его ноге. Ничего и
никого.

Крүз гнулся по краю двора, держась
прони

танных дождёт теней. Открытый

сводчатый

проход, ведущий внутрь крепости, терцал маслянистым факельным светом.

Он находился в трёх шагах от входа, когда

услышал постуपь ног. Он окаменел с рукой, зависшей над болтером. Из гвернога проёма

показалась фигура человека, превращённая факельным светом в изорванный силуэт.

Крүз

разглядел массивный наплечник, повитый отделанными техом одеждами, которые вол

новались на ветру. Из висков безликого шле

та воина вырастали короткие крылья, а на его

правом плече покоялся обнажённый теч. В свете факела струйки дождя, стекающие по

полотну клинка, казались ручейками

остыла

ющего пламени. Круж затаил дыхание, чувствуя, как учащается стук его сердца. Тёмный

Ангел запрокинул голову, его красные линзы

неотрывно смотрели в небо. Сверкнула

тол

ния, выбеливая двор и фигуру в одеждах.

Круж

чувствовал, как нарастает уровень адреналина, его холодное и маслянистое ощущение

в

своих старых тышицах. Он заставил свой пульс

замедлиться. Его пальцы внутри латных перчаток едва ли не дрожали.

Тёмный Ангел опустил взгляд, развернулся

на пол-оборота и остановил часть двора, про

тивоположную тесту, где стоял Кръз.

Если во

ин обернётся, ему придётся стрелять.

Выстрел

должен будет быть спрятанным,

чистым и

быстрым, очень точным, одним единственным движением, произведённым в тот миг, когда часовой вытащит свой болтер.

Кръз

прокручивал это действие в своём уме, сосре-

домачиваясь на тишине и хронометраже,

20

това себя к неотвратимому моменту. Он тог-

видеть, как белёсый лех шкуры, которая

была

накинута на плечи Тёмного Ангела, покрыва-

ется каплями дождя. Кръз появился здесь

не

для того, чтобы убивать, но он сделает это, если на то будет необходимость. Том

факт, что

это был его собрат-костодесантник, и всё
ещё

тогда выяснилось, что он остаётся
верным, ничего не менял. В той войне,
которую они

сейчас вели, подобные вещи не имели значения.
Крүз представил себе, как
наполненный

ртутью снаряд пробивает глазную линзу
вон

на. Он напряг ноги. Когда он выстрелил,
ему

тут же придётся прыгнуть вперёд, чтобы
пой

тать тело до того, как оно загремит о
землю.

Тёмный Ангел развернулся и ушёл обратно
в дверной проём. Крүз выслушал, как
затиха

ют шаги, медленно выдохнул и позволил
сво

им тышицам расслабиться. Он увидел блес

нужниий клинок лишь за тиг до того, как

акти

вировалось силовое поле. Заряженное
остриё

кончика течи коснулось его виска и
замерло.

(Голос): Не шевелись.

Уши Круга затопило электрическим
гулом, похожим на жужжение ос. Он успел
увидеть

кого-то у своего левого плеча, его резкие
чер

ты, заканчивающиеся сырьим ртом,
которые

обратляла тень от глубокого капюшона.
Его

обнаружили, и это означало, что их
тиссия во

всех её аспектах была под угрозой. Истина
и

верность сейчас не имели значения. Ему
придётся совершить убийство, однако
учитыв

вся сноровку противника, о которой
говорило

то, насколько полно Крүз был захвачен
врас

плох, это будет нелёгкой задачей. Цактон
сглотнул. Ему необходимо выжидать, пока
не

спесятится силовой клинок.

(Голос): Ты можешь говорить, но если же
вельнёшься каким-нибудь другим образом,
то ты умрёшь.

(Крүз): Я тебя понял.

(Голос): Хорошо. А теперь рассказывай,
что

ты здесь делаешь, Цактон Крүз.

...

(Лютер): Они за тобой не придут.

Локен хранил толчание. Он очутился
здесь, чтобы прояснить простой вопрос:
чью сторо

ну приняли Тёмные Ангелы Калибана --

Ил

ператора или Хоруса? Ответа

потребовал сам

Рогал Дорн, и Локен вместе со своим
братьем

Актоном Кружом появился здесь, чтобы
его

найти. Но ответ не был простым.

Побывав в

предгверии смерти на загубленной
планете

Исстван ТТТ, Локен обрёл охотничье
чутьё на

отвратительный дух разлагающего воздей-
ствия варна, но встретившись с Лютером,
он

ощутил сдвиги в энергиях

Иллатериума, змеиное касание соблазна.

Он не был псаике-

ром, но в этот момент он почувствовал,
что

его восприятие каким-то образом вышло
за

пределы чувств смертных, словно его
обоня

ние и зрение сообща простёрлись в иную сфе

рү бытия. Лютер не отрывал от него неотдигаю

щего взгляда. Покен потряс головой и устремился в тени в углу камеры. Ощущение было

эфемерным, но оно сопровождало каждое произнесённое Лютером слово, отдавая скрытностью и отголосками решений, принятых на давно уже прошедших распутьях.

Ло

кен чувствовал это уже в самом факте своего

заключения в темницы Тёмных Ангелов.

(Покен): Я здесь один.

Лютер улыбнулся, словно бы услышав изысканную шутку. Он подошёл ближе, скинул с головы капюшон. Его лицо было тщательно скреплено

сти, которая была свойственна

большинству
костюмированников. Он всё ещё оставался
человеком -- по крайней мере, частично. Его
лицо было открытым, оно выражало
высочайшую уверенность, подчинённую
интеллекту.

Оно вызывало доверие и чувство братства,
это было лицо человека, в которого можно
было поверить и пойти за ним до самого
конца.

Локен был наслышан о лидерских качес-
твах Лютера, и когда-то давно ему
довелось

увидеть кое-что из них, но отвечая
взглядом

на взгляд Тёмного Ангела, он понял, что
ре

пұтация не отражает суть этого
человека. Он

был тем стержнем, на котором
держались за

боевания и верность остальных. Подобное
ка

чество объединило Террү и создало
Импери

ум, и, затем, оно же перевернуло его вверх
тормашками. Глядя в тёмные глаза
Лютера, Локен осознал, что он уже
сталкивался с такой

чертой. Какой-то тиг, глибшийся
мгновение

ока, ему казалось, что он смотрит на
самого

Хоруса, Хоруса более доблестных времён.
Лютер отвернулся и пошёл к невысокому
заплесневелому каменному блоку, который
располагался у подножия стены. Он уселся,
его глаза смотрели куда-то в
внебрачаемые

дали. Локен наблюдал за ним, хотя в
своём

уме он стремительно перебирал
стратегиче
ские варианты, вопросы и возможности.

Ноэ

воляя себя взять, он шёл на риск. Его
могли

убить без всяких раздумий, но эта
встреча, эта проверка могла состояться
лишь так. Сей

час Локену приходилось делать выбор,
кому

рого он не предвидел.

(Лютер): Тебе снятся сны, Кербер?

(Локен): Я вижу сны.

(Лютер): О чём?

(Локен): Я вижу во сне... твоих братьев.

(Лютер): Кто они? Те братья из твоих
снов

-- кто они?

(Локен): Тертьецы.

(Лютер, вздыхая): Я не могу видеть сны. С
тех самых пор, как Империум меня
изменил, мне не снится ничего. Хотя я
помню, на что

это было похоже, и... всё такое прочее.

Лютер покивал головой, и Локен ощущил

всплеск удивления. В глазах Лютера было

но

нимание, понимание и сострадание.

(Лютер): Это не первый раз, когда тебя
брю

сают на произвол судьбы. Я вижу это в
твоих

новацках.

Локен почувствовал себя так, будто слова
Тёмного Ангела отодрали корку,
наросшую на

ранах прошлого, словно тучения, через
кото

рые он прошёл, были всего лишь препариро-
ванным образцом, пришипленным нарас-
пашку ног невозмутимым взглядом
Лютера.

Он вспомнил падающие небеса и себя, пада-
ющегого вместе с ними, лицо Тарика,
ухмыля

ющегося в последний раз, и ветер
Исстона, стердящий убитым братством.
Его уже пре

давал Хорус, он пытался прикончить его,

а

потом бросил на тёмной планете.

(Лютер): Это отнимает у тебя что-то, так

ведь? Незаслуженное, оно опустошает тебя и

оставляет вакум внутри. Люди могут гово

рить, что это тщично, что душа болит от

раны...

Локен пытался переключить своё внимание обратно на настоящий момент, но у него

не получалось. Его оставили в прахе и гнию

щих руинах, бросили среди террористов, среди

проклятых обитателей преисподней. Его при

звали обратно лишь для того, чтобы сражать

ся в войне ради отмщения и
изуродованного
бывшего.

(Лютер): ...однако это не так. Когда тебя
бросают, не остаётся боли. Тебе хотелось
бы

этого, потому что она лучше, чем правда.

Не

остаётся ничего -- ни надежды, ни боли,

ни

прощения.

Локен толчал. Он чувствовал, как под ногами
спехами вздыхают тьшицы, как кожу
пощипывают

пытают от боли, а его сердца гонят через
орга

низм насыщеннюю стимулаторами кровь.

Он

сделал выдох и заставил тело
успокоиться.

Лютер внимательно наблюдал за ним.
После

долгой паузы он захмурился и встал. Он

ты
тащил факел из железного держателя и
пого
шёл, встав так, чтобы быть не дальше,
чем на
расстоянии вытянутой руки. Он поднял факел, и Локен ощущал жар на обнажённой коже
своего лица.

(Лютер): Что-то в твоём лице... Я уверен, что ты уже встречались.

Лютер откинул голову и отошёл на шаг на
заг.

(Лютер): Может, на Конденсинг? Всем это

была битва! На поле боя вышли воины семи

Легионов, и в пылу сражения они давили в
кашу тёртых под свои ноги. Или...
За

ремон? Да, возможно, это случилось там.
Ты

сражались бок о бок с Лунными Волками.

Бес

страшные воины, стремительные, как
удар

энергетического луна, и непоколебимые,
как

скалы Хтонии. Да, вероятно, это было
там.

Локен, в свою очередь, смотрел на
Лютера, его лицо не выдавало ничего. В
его уме про

крутились воспоминания. Конденсин,
Лев, вскидывающий свой теч к небесам, с
которых

выжгло ночь пламенем битвы. Заремон,
где

Локен стоял в шеренгах бойцов и
наблюдал за

тем, как Лютер следит за Абаддоном
через

покрытые воронками редуты. Это было не
да

лее, как считанные десятилетия тому
назад.

Локен похолодел. Ему не следовало появлять

ся на Калибане. Лютер был не из тех, с кем

можно судить по одному взгляду, и в том, что

касалось хода войны, он был более важной, более ключевой фигурой, чем оспеливался себе представить даже лорд Дорн.

(Лютер): Ты помнишь поля сражений Заремона?

(Локен): Я ничего не помню.

(Лютер): В твоих словах проскальзывает хтонийский акцент, Кербер. Совсем нечетно

гих, но он был.

Локен отвел глаза, и тогда Лютер улыбнулся

ся. В факельном свете казалось, что его рот

расколол лицо широкой расселиной тени.

(Лютер): Так что же тебя сюда привело, за

блудший сын Хтонии?

Локен удивился на него, не в состоянии скрыть свой шок. Они ошибались? Новости о

также Вонтера уже дошли до Калибана?

(Лютер): Легионеры Астартес не сражаются

со своими собратьями, равно как и не шпионят во владениях друг друга. Я спросил тебя, зачем ты здесь появился, и ты мне ничего не

сказал. И сейчас я обязан поинтересоваться

личностью того, кто тебя послал. Лев, мой на

званный брат? Он сомневается в том, что я

продолжаю выполнять назначенную мне обя

занность, эту беспримерную почесть?

Локену на мгновение показалось, что на лице Лютера заиграло какое-то чувство,

не
что безобразное, прорвавшееся сквозь
фасад

идеального самообладания. Затем Лютер
по

качал головой и отвел глаза к теням.
Локен

почувствовал, что тесной камеры снова
кос

нүлся перст судьбы, ему привиделся образ с
резкими очертаниями, казалось,
составлен

ный из похожих на клинки углов и
неприкры-
тиых амбиций. Затем он исчез, погаскнев
и

снова растворившись в приглушенных
стум-
ных ощущениях.

(Лютер): Нет, это не твой брат. Не Лев.
Но

кто тогда? И зачем? У тебя есть для
тения по

слание, в этом дело?

Они не знали. Тогда всё было так, как Локен

и Крүз изначально и предполагали.

Влияние

Хоруса не простёрлось так далеко, чтобы рас

пространиться на крепость Альдурук. Это должно было упростить дело. Дорн снабдил

их посланием, которое следовало передать Тёмным Ангелам Калибана в том случае, если

они не были изменниками.

(Лютер): Или послание -- это ты сам?

Локен открыл рот. Он чувствовал, как на языке формируются слова, извещающие о предательстве Хоруса, о войне, которая раз

делила Империум, и призывающие Первый Легион вновь подтвердить свою верность Им

ператору. Он мог бы высказать эти

правду, мог бы выплеснуть её из себя всего-
за не

сколько слов. Он испытывал этот соблазн,
чувствовал потребность разрешить этот
неза

крытый вопрос, но вокруг дома Тёмных
Ангел

лов витали тьма и предательство. Локен
но-

прежнему чувствовал это отголоском ис-
стванских ветров. Он подумал об
интеллекте

и могуществе Лютера, о подозрении,
которым

были пронизаны его вопросы. Когда-то
Локен

был воином, способным решать подобные
дела

ла при помощи простой боевой логики
войны, теперь же он работал лишь с
догадками и по-

луправдой. Он может быть уверен в том,
к

чём в конечном счёте приведут его

слова?

(Локен): Я ничто.

Лютер кивнул, его глаза походили на сверкающие кусочки обсидиана на лице из бледного трамора.

(Лютер): Прекрасно.

Его одежды всколыхнулись, когда он направился к двери камеры.

(Лютер): Я вернусь, Кербер, сын Хтонии, и когда это произойдёт, я решу, что ты из себя

представляешь. И если ты провозвестник пре

дательства, то я выясню личность того, кто

обратился против меня.

• • •

Локен закрыл глаза, и тьма стала абсолют

ной. Он должен вернуть себе свободу. Он при

нял решение. Письмо Рогала Дорна изве

щение о войне следовало обезопасить. Где-
то

на задворках сознания скребло опасение,
что

они уже могли нарушить хрупкое
равновесие

сложившихся обстоятельств. Лютер
вернётся

с ещё большим количеством вопросов и,
воз

можно, средствами для получения
ответов.

Никейский Совет запретил использовать
псайкеров в Легионах, но, как Локен мог
лич

но удостовериться много раз,
необходимость

аннулирует эдикты. Он открыл глаза.

(Локен): Почему он тебя не видел?

(Голос): Потому что ты сам решает, кто
нас видит.

В углу камеры горбилось маленькое суще-
ство, скрытое одеялами с капюшоном. Его

силует выглядел складкой глубокого
трака, очерченной гало холодного света.

Пока Лютер

допрашивал Локена, оно стояло
неподвижно, и пустота под его капюшоном
впитывала в

себя всё, что происходило. Астартес
вспомнил

нимал его присутствие как слабое
наэлекри

зованное ощущение, холодное и влажное,
чувствовал колдовское прикосновение его
слов, возникавших в его уме. В этом было
что-

то знакомое, что он никак не мог
опознать, словно он смотрел на лицо
позабытого друга.

(Локен): Ты воздействовал на мой разум. Я
тоже чувствовала вещи, которые...
которых

нет, тылу и тиазлы варна, возможности,
не

высказанные тайны, что стояли за
словами

Лютера. Это был ты.

(Существо): Мы позволили тебе отчасти видеть так, как это делает ты, но твои чув-

ства ограничены, твой разум слеп.

(Локен): Кто вы такие?

(Существо): Ты нас уже об этом спрашивал.

(Локен): Вы не ответили.

(Существо): Мы смотрим.

(Локен): Выражайся понятно. Я вам не доверяю.

(Существо): Доверия не требуется. Мы позволили тебе увидеть то, о чём ты просил, и

это всё.

(Локен): То, что я ощущал, реально? Или я всего лишь увидел то, что вы захотели? Это...

Это было правдой?

(Существо): Возможно.

(Локен): Но ты мне больше ничего не ска-

жешь.

(Существо): Нем.

(Локен): Тогда почему ты всё ещё здесь?

(Существо): Чтобы тебя освободить.

Локен ощущал, как по воздуху растекается

электрический заряд. В его сапоги снова по

текла энергия, и его тыпицы конвульсивно задёргались в процессе согласования их движений с искусственными тыпиечными волокнами

нам брони. Но тут же того, как питание поступило

пало на интерфейсные разъёмы, вниз по позвоночнику бежало пронзительное жжение.

Цепи, которые удерживали Локена, попрека

лись и разорвались. Он рухнул на холодные каменные плиты пола. Стучащий

двигался

к двери, его тело рывками двигалось от поэзии

ции к позиции, словно изображение, посту-
пающее по бараблящему пикт-каналу.

Локен

пристегнул своё оружие к броне, на её кера-
митовых пластинах искали разряды
стами

ческого электричества. Дверь камеры
откры

лась, и Стотрящий рывком перенёсся
через

порог. Пятое трака под его капюшоном
было

по-прежнему обращено к Локену.

(Существо): Ступай. Ты должен
рассказать

всем своим повелителям о том, что ты
здесь

увидел.

В коридоре царили спокойствие и безмол-
вие. Неровное пламя факелов в железных
держателях застыло в неподвижности,
тени

на полу замерли. Локен бросил взгляд на

Тём
ных Ангелов, стоящих по обе стороны
двери

в камеру. У каждого поверх чёрных
доспехов

был надет плащ белёсого цвета, у их ног
уткнулись кончиками в пол гвоздичные
течи.

Рубиново-красные глазные линзы
смотрели

незрячим взглядом, пока он проходил
тимо.

Его подошвы шаркали по каменному полу.
Звук в его ушах казался чужеродным,
словно

он вторгся в сон. В висках тяжело
пульсиру

вала кровь, отзыvаясь нарастающей
глухой
болью.

(Существо): Это то время, Локен, которое
ты могли тебе дать.

Он бросился по коридору бегом, звуки ша

гов раскатывались в неподвижном воздухе.

Тени пришли в движение, факельный свет
за

двигался рывками, словно пущенные
веером

страницы книги. Он завернул за угол.

Навстречу шёл Тёмный Ангел, его рука ле-
жала на навершии спрятанного в ножны
меча.

Их взгляды скрестились, когда Локен
обогнул

угол, холодные серые глаза узника
встрети

лись с красными линзами стражника.
Клинок

воина очутился в его руке, по всей его
длине

затрепетало силовое поле. Локен появился
здесь не для того, чтобы убивать, он был
так

ным разведчиком в крепости, про которую
не

было известно, кому она верна, и,

возможно, она ещё с этим не определилась.
Одно его
присутствие уже могло нарушить шаткое
рав

новесие, а убийство в этих тёмных
коридорах

сделает это практически
гарантированно. Но

Локен бросился в атаку с пустыми руками, и
в

них по-прежнему ничего не было, когда
Тём

ный Ангел рубанул течом вниз, целя в его
голову. Локен увернулся в самый последний
момент и врезался в воина всем своим
весом.

Его плечо встретилось с локтями
стражника, когда теч опускался вниз.
Тёмный Ангел по

шатнулся, но руки Локена уже взлетели
вверх, ухватив шлем противника за
лицевую пластину

и верхушку. Стражник упал, и Локен
вместе

сте с ним.

Они врезались в пол со звуком, похожим на удар толома, дробящего трамп. Тёмный Ан

гел всё ещё держал в правой руке теч. Локен

увидел клинок и сжимнул запястье противни

ка. Кулак ударил, казалось, из ниоткуда.

Зубы

Локена лязгнули, его нос хрустнул под латной

перчаткой. В ушах зазвенело. Белый табард

Тёмного Ангела покрылся брызгами крови.

Локен таинул ногой вверх и придавил стопой

свободную руку стражника, затем поднялся

вертикально и обрушил на Тёмного Ангела

град ударов, размолячивая лицевую часть его

шлема до состояния стянутых останков.

Крас-

ные линзы разбились, и сквозь их расколотую

поверхность вверх на Локена уставились свет

ло-зелёные глаза, горящие лютой ненавистью. Стражник извернулся, когда Локен

от

вёл руку для очередного удара, и узник вне
запно очутился на боку; его правая рука

запась придавленной его собственным бро-
нированным боком. Тёмный Ангел вскочил

на ноги, занося высвободившийся теч.

(Голос): Стой!

Голова стражника дёрнулась на звук
голоса, и этого было достаточно. Локен
взлетел на

ноги, хватая Тёмного Ангела за руку с
теком

и впечатывая его в каменную стену.

Голова

стражника обвисла от серии прямых ударов, теч зажимел об пол. Локен слышал тяжёлое дыхание, вырывающееся из его собственных лёгких, вокруг зелёных глаз внутри разбитого шлема появилась обводы крови. Тёмный Ангел отпихнул его назад; казалось, что даже избиение до потери сознания не убавило его сил. Он рванулся к лежащему на полу течу.

Раздался выстрел. Снаряд попал стражнику в левый глаз и разнес ему череп, распылив кровь и осколки костей по внутренней поверхности того, что осталось от его шлема.

Локен почувствовал, как доспехи Тёмного Ангела обвисают в его руках тяртвым грузом.

Он узнал звучание болта типа "Сталкер",
ши

пяющий вздох его полёта и влажный звук, из-
даваемый при ударе его наполненной
ртутью

головкой. Ему не нужно было
оборачиваться, чтобы понять, кто убил
его противника. Он

осторожно опустил тело на пол.

(Локен): Что ты натворил!

(Крүз): Это было необходимо.

(Локен): Ты могли бы его утихомирить.

Ему не требовалось утиратъ. Ты мог
казнить

верного воина Империума!

(Крүз): Он был не первым и, скорее всего, не
окажется последним.

(Локен): Это может привести к
последстви

ям, которых ты хотели избежать. То, на-
чью

сторону они встанут, ещё не
определилось, и

ты только что стестил баланс не в нашу пользу

34.

(Крүз): Возможно. Ситуация уже вышла за рамки наших первоначальных опасений. Локен заставил себя успокоиться. Он высторкнул на каменные плиты неопрятный кровавый сгусток и вправил сломанный нос.

(Локен): Я не верю, что Лютер знает о войне, но семена порчи уже посеяны. Возможно, наше послание помешало бы им укорениться, но теперь ты не можешь его передать.

(Крүз): Наша миссия принесла очень ценный результат, и чтобы уберечь этот козырь, том воин должен был умереть.

(Локен): Почему? Что ты обнаружил?

(Голос): Меня, Гарвель. Он обнаружил меня.

Из теней за спиной Крүза выступил Тёмный Ангел, словно бы сгустившийся из самой

тыты. Локен ощущил потрясение, отозвавшееся дрожью, пробежавшей вверх по его позвоночнику. На нагруднике брони воина, чёрной, как трак космоса, раскинулись костяные крылья скелетоподобный ангел. Его длинные распашные одежды промокли от дождя, и когда он выступил вперёд, с его шлема полетели капли воды. Его движения отличались расслабленная выверенность, которая, как Локен знал, могла без малейшего предупреждения перейти в смертоносный бросок. Его лицо под промоченным дождём капюшоном было таким же суровым и лишённым тени юмора, как и все гда.

(Тёмный Ангел): Давно ты не виделись,

га?

Локен обернулся к Крүзу, по его покрытому шрамами лицу растекался гнев.

(Локен): Что ты ему рассказал?

(Крүз): Мы достигли понимания.

Локен встретился взглядом с глазами под капюшоном.

(Тёмный Ангел): Чактон прав. Ситуация, которая здесь сложилась, сложнее, чем ты то

жеешь себе представить. Неведение служит

щитом. Боюсь, что правда, которую вы с со

бой принесли, не возымеет том эффеекта, кото

рый пойдёт на пользу Империуму или же то

ему Легиону.

Локен проследил за тем, как человек в длинных одеждах опускается на колено возле

тела у их ног. Он поднял силовой щеч

ноте
стил его в тёртвые руки павшего Ангела.
(Тёмный Ангел): Я выведу вас из
Альдурха
безопасным путём.
(Локен): О. И что же ты будешь делать, когда ты исчезнем?
(Тёмный Ангел): Наблюдать и охранять втайне. Что стало твоей обязанностью уже давным-давно, как это было долгом тех, кто
тне предшествовал.
Человек в длиных одеждах поднялся и зашагал прочь по коридору. Локен и Крэз последовали за ним, сначала шагом, а потом бегом. За их спинами отдавались эхом вопли сигналов тревоги, преследуя звуки их шагов.
(Тёмный Ангел): Ступайте осторожно, братья!

Они бежали по сырым тоннелям с неровными стенками, которые уводили вниз сквозь

толищу скальной породы, проходя через же лезные двери и пересекая мосты, перекинутые через огромные естественные пещеры.

Иногда до них доносились звуки погони, но человек в глиняных одеждах вёл их вперёд

всю ночь, и они так ни разу и не увидели своих

преследователей.

...

Они стояли под ночным небом у основания голой скальной стены, над их головами яри

лась буря. Локен окунул взглядом теперь уже

скучные леса Калибана, которые качались под

дождём и ветром среди промышленных дымящих труб. Круж, стоящий рядом с ним,

раз

вернулся к человеку в длинных одеждах и поднял к груди кулак в древнем салюте Объединения.

(Круг): Твою услугу, собрат, будут помнить.

Что бы ни случилось, про это не забудут.

(Тёмный Ангел): Память меня не забудет.

Все ты, несущие тайную службу, остаётся безвестныши. Нет, этой ночью я, по сути, не

режил потерю. Вы кое-чего меня лишили, и

меня никогда не удастся обрести это вновь. Покен уставился на их союзника, единственного человека на Калибане, который знал правду о том, что стало с Империумом.

(Покен): И чего же ты лишился?

Тёмный Ангел развернулся и, не дав отвеча, пошёл назад к тайной гвери, которая

вела
в недра скалы. Локен озадаченно
посмотрел
на Крүза, но старый воин наблюдал за
тем, как человек в длинных одеждах
исчезает в
ночи.

(Крүз): Прощения, парень. Он лишился воз-
можности получить прощение.

• • •